

Сергей
Степанов-Прошелец

**С тобой
и без тебя**

Стихи о любви

Сергей Степанов-Прошельцев

С тобой и без тебя. Стихи о любви

«Издательские решения»

Степанов-Прошелецев С.

С тобой и без тебя. Стихи о любви / С. Степанов-Прошелецев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-601996-6

В книге представлены избранные стихотворения поэта, большей частью уже известные по публикациям в сборниках, литературных журналах и альманахах, но в актуальной авторской редакции поздних лет. Книга адресована всем любителям поэзии.

ISBN 978-5-00-601996-6

© Степанов-Прошелецев С.
© Издательские решения

Содержание

Стихи о любви	6
I	7
ПИСЬМО ИЗ ПЯТИГОРСКА	9
НАКАЗ ДЕМБЕЛЯМ	10
НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО ИЗ 1937 ГОДА	30
ДЕВЯТЫЙ КЛАСС	42
Роты ясеней и лип	54
II	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

С тобой и без тебя Стихи о любви

Сергей Степанов-Прошелец

© Сергей Степанов-Прошелец, 2023

ISBN 978-5-0060-1996-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихи о любви

I

...я буду приходить по четвергам....

* * *

В старости всё чаще
посещают страхи,
и не стать, как лето,
щедро молодым,
когда я сомнения,
словно пепел, стряхивал
с сигареты времени —
оставался дым.

Много в жизнь я вбухивал,
вероятно, перца —
сколько, я решительно
не запоминал,
но когда нагрянет
(не дай Бог!) инспекция,
то найдёт какой-нибудь
в этом криминал.

Что же тут крамольного?
Что мы оба юны?
Что на волю просится
пленная душа?
Превратить бы в золото
то сиянье лунное —
за душой не водится
вовсе ни гроша.

Полететь бы облаком
над цветеньем дрока,
где цветы другие
скоро расцветут.
Ты ли это, облако?
Дай тебя потрогаю,
чтоб удостовериться,
что ты снова тут.

Вот скользим, два облака,
два похожих дыма,
без надежд на лучшее,
без горячих слёз...
Или это кажется мне,
неразлюбимая,
что тебя порывистый

ветер не унёс?

* * *

Это ещё совершенно не довод —
то, что тревогу дожди насылают.
Липы цветение. Запах медовый.
Ты не грусти, что погода сырая.

Ты не грусти, что дожди за дождями,
брать во внимание это не нужно.
Лето пройдёт – и останется с нами
запахом липы – и сладким, и душным.

Лето пройдёт – наши встретятся руки,
вспыхнет улыбка – как раньше, по-новой.
Липы цветение. Время разлуки.
Липы цветение. Запах медовый.

ПИСЬМО ИЗ ПЯТИГОРСКА

Тут январский воздух горный,
свет луны прозрачно-бел.
Вновь Бештау пятигорбый
шапку снежную надел.

Я везу тебе гостинец —
образцы тревожных снов,
одиночество гостиниц,
тусклый отсвет ночников,

серебро замерзшей рощи
и костра холодный дым...
Дирижирую порошей
и безмолвием ночным.

Пусть звучит светло, как прежде,
из продутой стужей тьмы
тихий гимн моей надежде
в исполнении зимы.

* * *

Как степь весной,
тюльпанно-ал,
в песках тонул рассвет.
Здесь по тебе я тосковал,
как ветер по траве.

Но не скажу я никому —
пусть прилетит опять, —
что я завидовал ему:
он мог тебя обнять!

НАКАЗ ДЕМБЕЛЯМ

Кому – чемодан, а кому...
наше время кемарит.
Ещё нам три года носить
сапоги и шинели.
– Привет передайте
деревьям, траве и Тамаре —
девчонке, глаза у которой
апрелем синели.

Что скажет она?
Ну, об этом, наверно, отдельно.
Забот у неё...
Надо зонтик забрать из починки,
поскольку дожди.
А здесь так не хватает дождей нам,
в пустыне, где ветер
никак не сочтёт все песчинки!

Мы тоже уедем.
И пусть это будет нескоро,
тем радостней встреча.
Собаки охрипнут от лая.
И девочка эта
посмотрит и скажет с укором:
«Ну, знаешь, так долго
ещё никого не ждала я».

* * *

Предвечерний туман
занавесит померкшие дали.
От дождя и от ветра
темнеет гранит балюстрад.
Это осень как будто.
Её мы с тобою не ждали.
Птичьей вспугнутой стаей
багряные листья летят.

Их потом соберут
для гербария школьного дети.
И засохнут они
среди пыльных бумажных листов.
И забудется всё.
Но останется вечный свидетель,
громыхая прибоем
о гальку своих берегов.

* * *

Когда непрухи полоса,
я жду, как ожидают помощь,
твои восточные глаза,
непостижимые, как полночь.

Они и в полутьме блестят
на жарком бархате июля...
Как я люблю твой быстрый взгляд —
пугливый, словно у косули!

Не надо говорить слова,
не надо, ничего не надо,
когда кружится голова
от недосказанного взгляда.

* * *

Белый квадрат стены,
эхо минувших снов.
Жёлтым серпом луны
скошен недели сноп.

Ходиков мерен ход,
спит опустевший дом.
Самый несчастный тот,
кто одинок вдвоём.

* * *

Мне только минуты, наверно,
хватило вполне бы,
чтоб духом воспрянуть,
чтоб как-то очнуться от спячки,
чтоб солнце увидеть —
багровое солнце, в полнеба,
и чаек, их танец, их крылья —
балетные пачки.

Но лучше не надо.
Безжалостна давняя память,
она вызывает
какую-то странную ревность,
уж лучше и дальше, как прежде,
стремительно падать
в болото печали,
а значит, в свою повседневность.

Я всё забываю.
Я буду с годами суровой.
Пройду, без заминки

на льду осторожности тонком.
Не надо, прошу я,
не хмурь свои белые брови —
ведь их обесцветило солнце
до осени только.

* * *

Я буду приходить по четвергам —
худой, как у камина кочерга,
в плаще, до неприличия потёртом,
когда молчит охрипший телефон...
Ты извини: я – это только фон,
унылый фон, увы, для натюрморта.

Художник не напишет этот бред:
тут фруктов нет, нарциссов тоже нет,
а есть тоска, мы к ней теперь приступим.
Она везде, куда ни наступи,
она, как будто марево в степи,
колышется незагустевшим студнем.

А может, не приду я никогда,
я это так, спонтанно, нагадал,
чтоб воскресить, чему не быть в помине,
что быть могло, но вот – не суждено,
я это знал, я это знал давно,
но в этом я ни капли не повинен.

Я виноват, пожалуй, только в том,
что не стучусь в тот опустевший дом,
не ем омлет, тефтели с кашей пшённой,
что никакая мы с тобой семья,
что в этом доме не остался я
штрихом случайным и незавершённым.

* * *

Давно всё забыто.
Сгорела мечта без огарка.
Живу, как придётся,
скукоженный, как запятая.
Но я вспоминаю
хрустящую белую гальку.
Зачем – я не знаю.
Но всё-таки я вспоминаю.

И девочку эту.
Зачем я так быстро уехал?
Зачем всё мелькнуло,
как будто пейзаж законный?

Но я вспоминаю —
и нежности слабое эхо
находит меня
так настойчиво и незаконно.

Два-три поцелуя
да быстрое рукопожатье...
Нельзя и подумать,
что быть надо как-то смелее.
И белое это,
пронзительно-белое платье —
как будто из снега, да нет,
даже снега белее.

Не сон ли всё это?
Я сам сомневаюсь отчасти.
Закрою глаза —
и, как ветер, проносится мимо
дыхание моря, дыхание
близкого счастья —
всего только миг
на будильнике вечного мира.

* * *

Вот опять я унесён,
в это звёздное мерцанье,
в этот сон, что в унисон
вторит нашему молчанию.

Здесь в строю зелёных шуб
флоксов частые веснушки...
Будь покойна: не спрошу,
для чего всё это нужно.

Фимиам ночных цветов —
он опаснее тротила.
Я всю жизнь молчать готов,
лишь бы ты не уходила.

Где-то ухает сова,
лунный жемчуг с переливом...
Для чего нужны слова,
если счастье молчаливо?

* * *

Так же птицы осанну пели
изо всей своей птичьей силы.
Мир был молод, ещё Помпеи
мёртвым пеплом не заносило.

Ты спускалась лианой гибкой
в бездне времени – тихим всплеском...
Но доверчивую улыбку
навсегда сохранила фреска.

Платье – словно вчера надела,
та же лёгкая хмарь на небе...
Как ошибся я! Что наделал!
Двадцать с лишним веков здесь не был.

Юный ветер над миром реет,
он в музейные рвётся холлы...
Между нами, как пропасть, время,
беспредельный, безбрежный холод.

Словно я услышал случайно,
забывая, что жить мне мало,
эхо тысячелетней тайны,
что так долго не умирало.

* * *

В этом мире дворцов и лачуг
обветшал я, как старый амбар.
Я полтиной луны заплачу
за твой самый искусный обман.

Ты шепнула мне тихо о том,
что ты любишь иль делала вид...
Но с тобой мы опять уплывём
на неведомый остров любви.

Там случится сиреневый май,
и мне жарко от радостных рук.
Обнимай же меня, обнимай,
пока ложь не проявится вдруг!

Ока ночь, пока море огня
в сердце целится тысячью дул...
Может, ты и любила меня,
может, сам я себя обманул.

* * *

Припоминаю, грешен, —
кольнуло, как иглою, —
тот сад, что занавешен
черёмуховой мглою.

Цвела сирень левее,

дождём тропу размыло...
И тихо ветер веял —
как из другого мира.

И всё так странно было
в неверном этом свете:
Наверное, любила
ты не меня, а ветер.

Он вновь летит из мрака,
что всё плотней и гуще, —
беспечный, как гуляка,
сам от себя бегущий.

* * *

Он выметен тщательно,
здесь не торгуют бодяжной
водярой в кафе и пивнушках и
сексом в мотелях.
По улицам сытые голуби
шествуют важно,
слегка косолапя,
как знойные фотомодели.

Он так изменился
с тех пор, как слинял я отсюда,
когда мы любили друг друга —
в ту раннюю осень,
но всё это так позабыто
и так неподсудно,
что память на чистую воду
не вывести вовсе.

...Но что из того, что всё это
давно позабыто?
Всё это живёт в подсознание,
всплывая не реже,
чем этот посёлок —
садистская камера пыток,
где вздёрнут на дыбе
я тот – непростительно прежний.

Пусть всё здесь обрыдло —
и дождь, и цветенье акаций,
и тёплое море,
поющее песню акына, —
мне с этим посёлком
уже невозможно расстаться,
как с другом, который

меня незатейливо кинул.

* * *

Как неустойчиво то положение,
если проверка идёт на разрыв!
Два антипода, вступая в сближении
вовсе не знают, чем кончится взрыв.

Кончилось это душевными травмами,
нас угораздило их получить.
И не удастся целебными травами
эти болячки свои залечить.

И превращаюсь я в тень свою, в робота,
вижу я снова, хоть это и дичь,
этот полуночный взгляд из какого-то
мира, который не в силах постичь.

* * *

Соловей защёлкал в роще,
юным ветром зацелован.
А поймать его — что проще
может быть для птицелова?

Подходи к нему неспешно —
он твоей не видит сети.
Он своей отдался песне,
позабыв про всё на свете.

Только сложит крылья туго
и умолкнет в безразличье.
Разорвется от испуга
сердце маленькое птичье...

Я, как он, не зная сладу
с песней, не дождавшись мая,
вывожу свои рулады,
про опасность забывая.

Лишь бы кто-то лунным летом,
смяв подушку в изголовье,
слышал отзвук песни этой,
переполненной любовью

* * *

Увезу тебя в лето,
прости за внезапный блицкриг.
Лето – опытный лекарь,
оно тебя вылечит вмиг.

Здесь колючие ости
беды, что махрово цвела,
здесь январь расчехлостил
остатки бывшего тепла.

Здесь коростою лепры
покрыты сугробы души...
Увезу тебя в лето
от лютых морозов-душил.

Здесь противно и тошно
и вольная жизнь на кону.
Увезу тебя в то, что
не снилось ещё никому.

Я хвалиться не стану,
и ты не одобришь меня:
тут звучит беспрестанно
мелодия летнего дня.

Это вовсе не лишне,
когда всё в порядке внутри.
Слышишь? Если не слышно,
пошире окно отвори...

* * *

Ночь, как агат, черна,
нет ни огня.
Ты у меня одна,
ты у меня.

Сколько прощала мне
горьких обид...
Вижу, как ты в окне
плачешь навзрыд.

Вижу сквозь гущу лет
твой силуэт,
но возвращенья нет
в то, чего нет.

* * *

Задуманному не сбыться —
такой пошёл незалад.
И мы с тобою убийцы —
почти, как Бонни и Клайд.

Запретная это тема,

волнует она не всех.
Любви нашей мёртвое тело —
таков наш совместный грех.

Стоим под раздетой липой
уже посреди зимы.
Мы всё позабудем, либо
прикинемся, что не мы.

Прикинемся, что немые
и глупые, как мальки,
И завтра уже не мы, а
хищные двойники

по жизни пойдут открыто —
попробуй их проучи —
не киллеры, не бандиты —
случайные палачи.

* * *

В большой холодной комнате,
за спинки стульев взявшись
(не топят котельные,
все батареи – лёд),
произнесём вдруг страшные,
беззвучные, озябшие
слова, и их значение
до сердца не дойдёт.

Так холодно на улице!
Весна – вот удивительно.
Откуда-то из Арктики
примчал антициклон.
Но не питай иллюзии:
закончен отопительный,
да вот теперь закончился
и наш с тобой сезон.

И не ищи тут логики.
Осмысливать – излишнее.
С бедой мы расквитаемся,
но вот какой ценой?
Разгадка в том, что знали мы,
что знали только личное,
увы, местоимение
из буквы из одной.

Почувствуем, наверное,
как время это тянется,

и пусть порой по-первости
не обойтись без слёз,
давай хоть для приличия
с достоинством расстанемся,
давай с тобой придумаем,
что виноват мороз.

...Где же ты? Куда запропастилась?..

* * *

Мчат трамваи с горочки,
огибая сад...
Обжигает горечью
твой нездешний взгляд.

Постоим под вербами.
В общем, ты права:
раньше мы не верили
в горькие слова.

Раньше и не думали
мы о них всерьёз,
а теперь их сдунуло,
как листву с берёз.

Поздно. Воскресение.
Развели мосты...
Горькие, осенние,
жёлтые цветы.

* * *

Под контролем всё. Я не зеваю.
Рано утром выхожу к трамваю.
Я стою, со всех сторон зажатый
страхами. Похоже, вышел рано.
Мне трамвай нанёс такую травму,
каковой я в жизни не припомню.
Командир, трамвайный шеф, вожатый,
отчего ты не привёз её мне?
Отчего, скажи, какая сила
душу мою всю перекосила?

Вот опять я выхожу из дома
и ловлю такси, но цель похода
непонятна: я не слышу грома —
на пустых полях аэродрома
тишины нелётная погода.

Где же ты? Куда запропастилась?
Может быть, давно уже простилась

с тем, что быт мой глухо неустроен,
что мой чайник сильно закопчённый,
что проблемы налетели роем —
маленькие жалящие пчёлы?

Где ты? Отзовись! Пусть далеко ты,
может, это Южная Дакота,
или уже мчишься по Вермонту?
Там не обнаружить мастерскую —
чувств не принимают для ремонта, —
ну а я, как в клетке волк, тоскую.

Я не сплю — я никакой не соня,
вздрагиваю: вроде бы клаксонят.
Нет, не ты. В окне — скопление пятен,
сцепленных водою дождевою.
Это — призрак. Он, как ночь, невнятен,
лунною кивая головою.

* * *

Весь день мы на Пречистенке
дурачимся с тобой.
В лицо цветка тычинками
дождь тычется слепой.

Мы от него не прячемся
и, в общем-то, правы:
то грустное дурачество —
последнее, увы.

Вагоны ждут на станции,
и ждут уже давно.
Мы знаем, что расстаться нам
сегодня суждено.

И вот — вокзал. И лестница.
Прощаемся на ней
не на день, не на месяцы —
на весь остаток дней.

И наши ожидания
увозят поезда
в страну непонимания,
неведомо куда.

* * *

Казалось, всё это надолго, навечно,
но вот уж не видно совсем очертаний
камней, что пасутся отарой овечьей,

Эльбруса – стоит в белой бурке чабаньей.

И только костёр, что свернулся удавом,
глотающий мрак, а с ним вместе и годы.
Нельзя устоять перед этим ударом
судьбы, как не скроешься от непогоды.

Но я о другом... Я о том, что мелели
мечты – угодили мы в засуху быта.
На самом ли деле, на самом ли деле
мы так постарели, что всё позабыто?

Ты в это не верь, всего доброго ради,
что тёплые звезды запутались в листьях,
что видим мы, в зеркало времени глядя,
морщины на наших обыденных лицах.

Судьба иногда преподносит задаром
мгновения счастья и сладостной муки,
и щебень с особенным, южным загаром,
и эту дорогу, что мчится к разлуке...

И снова тревогу пророчит валторна,
в мелодии этой – и страх, и унылость.
И жизнь, как огонь, поглощает проворно
всё то, что нам грезилось, всё, что приснилось.

* * *

Бурьяном пустошь эта поросла,
но пусть ответит мне хоть кто-нибудь,
зачем моим вопросам нет числа
и почему охватывает жуть.

Неважно всё, когда живёшь навзрыд,
как будто в ожидании суда,
когда твой путь бульдозером разрыт —
бульдозером по имени Судьба.

Хоть торопись, хоть вовсе не спеши,
хоть в правду верь, а хочешь – только в ложь,
той тихой, той потерянной души
в реальности вовеки не наждёшь.

Та девушка устала быть одна,
разбила светлый камушек кольца
и осушила боль свою до дна,
до капельки последней, до конца.

Приеду я, пусть страх, как зверь, мохнат,

чтобы увидеть, убедиться смог,
что на закрытых ставенках окна
повис самоубийцею замок.

А где её могила? Где ответ?
Увы, теперь и не узнаю я.
Кого спросить? Деревни больше нет.
Последним умер дедушка Илья.

* * *

Повстречаться снова нам
больше не обмаслится,
прошлое скрывается
в облачном дыму.
Ты была, наверное,
новичок-обманщица —
обманула первая
ты себя саму.

Что же ты наделала?
Поднимись по лестнице,
возвратись, пожалуйста,
в опустевший дом,
ведь такая, в сущности,
это околесица,
если то, что дорого,
мы не бережём.

Вновь тоска дорожная,
и мелькают станции,
степь – фанера серая,
речка у леска...
И наверно, в памяти
лишь она останется —
длинная, плацкартная,
смертная тоска...

А ещё – тяжёлая,
липкая бессонница,
та, что не уносится
вместе с ветром вдаль,
и в том скором поезде
почему-то вспомнится
глаз твоих полуночных
голубой февраль.

Но слепыми выюгами
годы запорошены
и свою верёвочку

продолжают вить...
Отчего мы в старости
не прощаем прошлое?
Оттого, что прошлое
не дано забыть?

* * *

Воскресенье – самый чёрный,
самый тусклый день недели,
потому что вновь с печалью
ты своей наедине.
Ты вздыхаешь обречённо,
хоть терпенье на пределе,
наливаешь чашку чая —
и всё это, как во сне.

Дверь заклинило от снега,
завалило двор по пояс,
облака – как оригами,
птичий не слышать галдёж...
Здесь, на станции Онега,
ждёшь давно ты скорый поезд —
занесло его снегами,
только ты, как прежде, ждёшь.

И когда лежишь на койке,
весь в плену безликих буден,
когда кот глядит с укором —
молока желает зверь.
Не считай на пальцах, сколько
было бед и сколько будет,
верь, что скоро, очень скоро
и к тебе придёт апрель.

* * *

Вот повернёшь ты голову,
помолодев лет на...
Сверкающее олово
на плечи льёт луна.

Деревья и кустарники
и вечер голубой.
Я вовсе не состарился,
когда опять с тобой.

Я всё забыл неладное,
все горестные дни,
опять вокруг гирляндами
развешаны огни.

И музыка на катере,
не знаю, для чего,
но нет дороги скатертью
до счастья моего.

И кончится всё, кроме как
вот этот майский дождь,
где счастье – вроде промелька
того, что не вернёшь.

..тень моя призраком бродит по стенам...

* * *

Снова я вижу не резко
сумрак ласкающий лунный,
и, словно сыра нарезку,
в ночь уходящие дюны.

Море вздыхает не сыто —
власть это лунного жезла...
Щедро песок мне отсыпал
грусти о том, что исчезло.

Невосполнима утрата.
Это – как смерть от ковида.
Так же исчезла когда-то
в волнах морских Атлантида.

* * *

Я соврал, что к тебе заглянул по пути —
битый час под дождём сиротливо я мок,
и к тебе я прощаться пришёл, ты прости,
не сердись, но иначе я просто не мог.

Я, остриженный наголо, кепочку снял
(парикмахер меня округлил в аккурат),
но смотрела ты в сторону, мимо меня,
и спокойным был твой невнимательный взгляд.

Твои губы... Зачем они так холодны?
На лице твоём бледность от частых ангин...
И, наверно, ты знала давно, что должны
мы расстаться вот так – ни друзья, ни враги.

Я молчал. Да и ты промолчала в ответ,
отвернувшись. Ещё бы чуть-чуть – и скандал.
А когда уходил, ты смотрела мне вслед,
словно я ненароком тебя испугал.

* * *

Давно такого я не помню шока:
казалось мне, что я совсем оглох,
и застревал в гортани даже шёпот —
он превращался в выдох или вдох.

И что-то пролегалo между нами,
и смысл того нас странно огибал,
как будто это не сказать словами,
и мы читаем только по губам.

Пищал в ушах какой-то странный зуммер,
но я на ус тогда свой намотал,
что ничего на свете нет безумней,
когда съедает сердце немо

* * *

Когда утихнет шорох ног,
вне времени уже,
я постучу в твоё окно
на третьем этаже.

Ты, подготовившись ко сну,
предвидеть не могла,
что веткой влажной я коснусь
холодного стекла.

Но ты услышишь мой сигнал,
как радостную весть,
как люди чувствуют всегда,
что рядом кто-то есть,

что у меня (поймёшь ли ты?)
был шанс один из ста —
обнять тебя рукой листвы,
на цыпочки привстав...

* * *

Два месяца с лишним, два месяца с лишним,
как тень моя призраком бродит по стенам.
И голос мой больше в квартире не слышно,
и кажется, будто она опустела.

Взгляни: пожелтели в прихожей обои,
и двери рассохлись, что кожей обиты.
Мы ссорились здесь и мирились с тобою,
прощая и не забывая обиды.

Здесь нас в январе донимали простуды

и не было крыльев душе для полёта.
И воздух был рыхлый и вязкий, как студень,
и мягко пружинил, как жижа болота.

И мы не смогли насладиться покоем —
чего-то опять нам с тобой не хватило.
И что-то такое, и что-то такое,
что главное было, ушло из квартиры.

Всмотрись: по ночам кособокие тени
обходят берёзку и столик трёхногий.
Всмотрись: это наши с тобою потери.
Всмотрись: это наши с тобою тревоги.

Они равнодушно, с нелепым усердьем
по мягким паласам ступают неслышно,
и хваткой бульдожьей сжимают предсердье
два месяца с лишним, два месяца с лишним.

* * *

Вот он мелькает за прожелтью леса,
вот уже видится более чётко —
нагроможденье стекла и железа,
камня, что красен, как бычья печёнка.

.

Мир, что ещё добродушно-наивен
и бескорыстен, как сытая чайка,
в бусах огней, что надеты на иву, —
словно на праздник собралась сельчанка.

И как шары бильярдные, к лузе
катятся звёзды... И та, что женою
станет не мне, и волос её узел
ветер рассыплет волною ржаною.

Боже всеильный! Не надо иного
благодаяния, дай только это:
дай мне забыть её – хоть на немного!
Дай мне забыть её! Хоть до рассвета.

* * *

Город угрюмый, изогнутый,
острый, как коготь,
он не улыбочив, и шуток
здесь слышалось мало.
Ветер несёт над землею
печную тяжёлую копоть.
Сколько веков на брусчатке
она оседала?!

В городе этом
мы жили несчастьем в угоду —
так белокрыльник
хиреет на топком болоте.
Тут же погода —
насмешка над всякой погодой,
а потому только дождь
днём и ночью молотит.

Ты уж прости,
что твои обманул ожидания.
Я – не нарочно.
Я тоже об этом жалею.
Я – как тот город,
туманной закутанный далью,
как никуда не ведущая
больше аллея.

* * *

Я взглядом тебя провожаю:
идёшь, за собою маня, —
чужая, такая чужая,
что больше уже не моя.

Зачем мы с тобой разминулись,
зачем примирились с судьбой?
Всё тянется, не повинуюсь,
рука моя вслед за тобой.

И ты... Ты уже не такая:
идёшь, без греха на душе,
не требуя, не потакая
и не осуждая уже.

* * *

Что за бред? То снег, то сыро —
не зима и не весна,
что-то с неба моросило
непонятное весьма.

Сонный поезд. Одурь скуки.
Шорох медленных минут.
Там сердитые старухи
даже спящие жуют.

Там с мучительным азартом,
жёлтый весь от табака,
отставник играет в карты —

в подкидного дурака.

И дышать, казалось нечем,
в том хлеву, что возникал.
Ты ворвалась, как диспетчер
укротитель сквозняка

Это было наваждением:
ты сидела, так близка.
Это было днём рожденья
тополиного листка.

И апрель пришёл, помешкав,
капледув и стекломой.
Это было, как насмешка
над всеильною зимой.

И мелькала степь седая,
поезд мчался под уклон,
рельсы длинные съедая,
будто связку макарон.

И звенели чьи-то склянки,
кто-то опухал от сна...
Но на тихом полустанке
вдруг закончилась весна.

Ты шагнула в шум метели
в предрассветный этот час —
в дни, что тускло пролетели,
словно поезд, мимо нас.

* * *

Порывистый ветер
приносит туман и дожди,
весна, словно доктор,
болезнь застарелую лечит.
И лучше забыть и не верить,
прошу я, не жди,
забудь всё плохое,
так будет, наверное, легче.

И выйди на взморье.
Там хлещет волна через пляж
и, гальку швыряя,
мычит с непокорностью бычьей.
Там чаек голодных
рискован порой пилотаж,
когда над волною

несутся они за добычей.

Вот так же и ты
заарканить хотела мечту,
да только не вышло:
ворвалась беда, как цунами.
Ты даже не знала,
что я это перерасту —
так пень иногда
обрастает по-новой ветвями...

* * *

Жги огнём, на кусочки режь —
не забуду раскладку ту:
лётного поля бетонную плешь,
тушу тюленью Ту.

Снег тебе серебрил висок,
ты стояла, дрожа слегка —
тоненький выющийся стебелёк
сорванного цветка.

Ветер позёмку в лицо кидал,
слабый гасил дымок,
а я улетаю в навсегда, в никуда,
и было мне невдомёк,

что если б я слышал твои слова,
чувствовал бег беды,
я бы тогда билет разорвал
и не исчез, как дым.

Я бы не выбрал сырой замес
серых и пресных дней,
чтобы остаться в этой зиме
снегом беды моей.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО ИЗ 1937 ГОДА

Струйки дождя из небесного вымени...
Хоть бы они, гомоня,
мне помогли у Всевышнего вымолить
лёгкую смерть для меня.

Так нагрешил я, что пахнет и вышкою,
как ни крути, ни порхай,
и поведёт, в исполнении вышколен,
к плахе меня вертухай.

Но не грусти, дождь окно твоё вымоет
и заплутает в плюще...
Здравствуй, далёкая! Здравствуй, любимая!
Я это – в мокром плаще.

Вспомнишь меня лишь когда-то при случае,
одолевают ли грусть?
Ждёшь ли по-прежнему? Веришь ли в лучшее —
в то, что когда-то вернусь?

Я не вернусь, ничего тут нет странного,
я не вернусь вообще.
Это – не я. Видишь ты только странника,
странника в мокром плаще.

Тот, кем был я, стал лишь рожью озимою,
в эти подснежные дни...
Здравствуй, далёкая, здравствуй, любимая!
Коль что не так, извини.

* * *

Минут убегающих шорох —
так ветер листает тетрадь, —
и время сгорает, как порох,
и некогда это понять.

Ты слышишь, как в ветках синица
поёт нам, таким молодым?
Не надо ещё торопиться,
давай ещё здесь посидим.

Прикрой утомлённые веки,
давай никуда не уйдём,
чтоб это запомнить навеки,
как помнят о счастье своём.

...было это совсем не во сне...

* * *

Я не знал, что с собою не совладаю,
а ты не старалась помочь —
такая счастливая, молодая,
как новогодняя ночь.

Серпантинною лентой струилась гибко
звёздное пламя, падая в снег,
и какая же всё-таки вышла ошибка,
что было это совсем не во сне!

Вернуть бы время, да невозможно,
несусь куда-то — сплошной накат,
и только белая вьётся мошка,
и не растает она никак.

* * *

Закрыло облако полнеба,
дождь без разбора лужи метит...
Нет одиночества полнее
когда один ты в целом свете.

Рождаясь из дождя и дыма,
как туча, прячась в голубое,
оно, как рок, неотвратимо
нависло мраком над тобою.

Молчанье... Нет его заразей —
никто и слова не промолвит.
Но ты встречаешь без боязни
сверканье яростное молний.

И так порой грохочет с неба,
как бьют кувалдою с размаха,
и нету чувства, кроме гнева,
и только в сердце нету страха.

Но небо вовсе не яснее
и вновь тучнеют тучи градом,
и для тебя куда страшнее,
что нет меня, как прежде, рядом.

* * *

Жизнь время мотает на спицы,
впадает душа в летаргию.
Но снова, как раньше, не спится,
всё помнятся ночи другие.

Я слышу листвы шелестенье,
и ветка мелькает кривая.
Своею летящею тенью
она мою тень накрывает.

И гром в отдалении охнет,
и вечер томительно-розов...
А помнишь: стучала нам в окна
такая же ветка берёзы?

С судьбою тогда ещё в споре,
мы вздрагивали от стука,
не зная, что нам семафорит,
что нас настигает разлука.

* * *

Бурлит вокруг людской поток
и неба майского сатин.
Давай оставим на потом,
то, что сказать с тобой хотим.

Зачем гадать, что впереди?
От мыслей пухнет голова.
Сегодня, видно, не найти
необходимые слова.

Терпел почти я целый год.
Когда б комфорт ни возникал,
я убегая от него,
я не могу без сквозняка.

Но эти горькие слова
живут отдельной жизнью слов.
И наступает их обвал,
когда никто и не готов.

Когда придавит, как мешком,
беда, что мир ещё не знал,
когда покажется смешной
воздушных замков крутизна.

И не весна – разгар зимы.
когда поймём и я, и ты,
что забрели случайно мы
на наше кладбище мечты.

* * *

Боже, мурашки опять по коже,
вишенная весна...

Лишь силуэтами мы похожи
на позабытых нас.

Солнце заходит в поздних аллеях,
даль растворяет дым...
Станет ли краешком нам светлее,
если всё оживим?

Чтобы вернулся запах душицы —
пряный, густой, как джем...
Сможем ли снова мы воплотиться
в тех, кого нет уже?

В тех, кого ввысь поднимали крылья
и в глубину влекло, —
в тех, что когда-то в себе открыли
спрятанное тепло.

Ты не жалея, что хворобы душат,
острой тоской садня,
может, согреются наши души
возле того огня?

Станет ли этот огонь помехой
для монументов льда,
или проклянется слабым эхом
выстрела в никуда?

* * *

В зимнем мире – он захлопнут —
ничего не происходит,
он, как чемодан с вещами —
им давно в утиль пора.
Только замерзают окна,
и мороз совсем не холит,
и часы нам возвещают,
что сегодня – лишь вчера.

Как поверить в то, что верить
невозможно в этом склепе,
задремавшем в нафталине,
где один сплошной покой?
Кто сказал, что тут мой берег?
Я не слышу этот лепет.
Мир опять безбрежно-синий
и нечаянный такой.

И с минуты на минуту.
жду я важного сигнала,

пусть ещё всё очень зыбко,
намечается едва,
я припомню почему-то
ту улыбку, что согнала
с губ беда – твою улыбку
и забытые слова.

В беспокойном мире этом
я не массовик-затейник,
я пришёл сюда учиться
пробуждаться после сна,
исцеляться ясным светом...
Зацветает даже веник,
коль настойчиво стучится
в двери поздняя весна.

* * *

Сиреневый туман...
Нет, это не Париж.
Но горько пахнет март,
курится дым из домны.
И ты, как этот дым
нетающий, паришь —
такой же, как и он,
свободный и бездомный.

Взгляни вокруг: всё вновь
готовится цвести,
расти, благоухать.
Динамика, движение.
Но это – лишь запев.
Мир истину постиг:
венец всему – один.
Пора плодоношенья.

Вот яблоня. Её
сечёт весенний дождь,
но так она горда,
вздымая ветви круто.
И, может, счастье в том,
что даром ты даёшь
тепло и аромат,
стихи и жизнь кому-то.

...не могу без тебя, не могу...

* * *

Вновь на стёклах – налёт серебра,
и казенные голые бра,
и столбы – по колено в снегу,

и на ужин, как прежде, лапша,
и опять каменеет душа.
Не могу без тебя, не могу!

Костыли и линялый халат,
запах хлорки, больничных палат —
пожелать бы такое врагу!
Перевязки, врачебный обход.
Что потом? Неизвестен исход.
Не могу без тебя, не могу!

Как ты там? Тебе грустно? Одна?
Любопытная смотрит луна
из окна, предвещая пургу.
Дрогнет лампой очерченный круг...
Ненавистное время разлук.
Не могу без тебя, не могу!

* * *

Как спички, молнии о крыши чиркают,
но только видятся, как в забыти,
твои большие и чуть с горчинкою,
глаза заплаканные твои.

Раскаты грома звучат, как выстрелы...
Но над загадкой я бьюсь опять,
как получилось, что столько выстрадав,
ты можешь буднично меня предать?

* * *

В нашей жизни много спорного,
не понять порой всего,
не достиг я, видно, полного
пониманья твоего.

Стало тошно – впору вешаться,
я до крайности был зол
и ушёл в тайгу медвежиться
и берложиться ушёл.

На поляне спела ягода,
был цветенья карнавал...
Вместе с сойкой, птичьей ябедой,
я и вправду горевал.

Там, у счастья за обочиной,
где мы с ней совсем одни,
вспоминал я озабоченно
все потерянные дни.

Забывал, что ты – попутчица,
что сошла на вираже...
Забывал, да не получится,
не получится уже.

* * *

Было ли это? Всё-таки, было:
это случается лишь весной,
и девочка, что не меня любила,
сидела в беседке рядом со мной.

Она смотрела на мир с досадой:
никто такого совсем не ждал!
Только вот голос ночного сада
в чём-то обратном нас убеждал.

Впрочем, признаюсь: на самом деле
в этом весеннем саду вдвоём
просто на звёзды мы вместе глядели,
просто думали о своём.

Просто дурманяще пахла вишня,
я отвечал, как всегда, невпопад.
Просто всё это нечаянно вышло —
вряд ли тут кто-нибудь виноват.

Надо ль винить те глаза, что шире
неба и яркие, как финифть?
Можно ли эти глаза большие
в чём-то когда-нибудь обвинить?

* * *

– Останься! Но поезд трогает,
перроны бегут назад.
Не надо смотреть так строго:
тебя выдают глаза.

Читаю я в них: «Ну что же
уставился, как баран?
Ещё не поздно, Серёжа,
в вагоне сорвать стоп-кран.

Ещё твой путь неопознан,
он пройден всего на треть.
Ещё ничего не поздно —
даже и умереть...».

А я, на подножке стоя,

от смерти не жду вестей,
раздавленный пустотою
бессмысленных скоростей.

* * *

Не успел тормознуть – уехала,
и молчание режет уши мне.
Позову тебя – слышу эхо лишь,
отголосок давно минувшего.

В этом лиственном летнем лепете,
пролетающем тёплой стаею,
белым лебедем, белым лебедем
ты в пределах иных растаяла.

Из ушедшего, из забвения
жду ответа и сердцем слушаю,
чтоб, назло всем своим сомнениям,
верить в лучшее, верить в лучшее.

* * *

Тихими шумами, белыми цветами
приходи с ветрами вместе с облаками,
свежестью лесною защити от зноя,
посиди со мною, погрусти со мною.

Мы давно в разлуке, мы давно не вместе,
повилики руки тянутся из мести
к горлу... Перехватит сразу же дыханье...
Только знаешь, хватит, конечно свиданье.

Счастья не прибудет. Ты не виновата.
Будь же всё, как будет, хоть не так, как надо,
хоть дорога – камни, хоть повсюду – змеи,
дай забыть тебя мне, если я сумею.

* * *

Она утонула в том мареве мая,
когда ещё спят, и дома на засове.
Я всё не припомню, но я понимаю,
как мало я знаю об этой особе.

Она укатила на чёрном фиате
(потом я её обнаружу в Париже),
умчалась в фиате с глазами фиалки
куда-то, наверное, к морю поближе.

Туда, где не надо подробностей быта,
где киснуть не надо над постными щами,

где слёз не пролито, где будет забыто,
всё то, что случилось, чего не прощали.

Но если придётся судить по-другому,
не стану я думать о верности женской,
я выключу память и брошусь в тот омут,
в тот омут, фиалковый омут блаженства.

* * *

Двери разошлись... Прижмусь щекой.
Ты не ждала гостей?
Слышишь, скулит за окном щенком
осень беды моей?

Я пережил тот резкий виток,
горький судьбы сухарь,
я, как в безводной степи цветок,
медленно засыхал.

Я, словно тля в шумящем овсе,
счастье извёл под ноль.
Я позабыл, похоже, совсем,
что ты была женой.

Видишь, я стал, как папирус, жёлт,
запах принёс мышей?..
Я позабыл, для чего пришёл,
ты не гони взашей.

Окна твои затянуло льдом
в утренней тишине...
Это был вроде наш общий дом,
но его больше нет.

Я, словно этот клён во дворе,
к старости порыжел.
Я забываю о той поре,
что не придёт уже.

* * *

На клёнах – увядания печать,
и прах листвы дымится у крыльца.
Исход один: нельзя, увя, начать
то, что уже в преддверии конца.

Ни матери, ни сына, ни жены —
их след земной упрятала трава.
И только вязкий шёпот тишины,
её неразличимые слова.

Ну, что ж, теперь, наверное, пора
собраться в путь, один остался шаг.
От этого октябрьского костра
не вспыхнет ярко твой родной очаг.

Ты только этот шорох не забудь,
чуть слышный шёпот в сквозняке аллеи.
Ну, вот и всё. Ты выбрал этот путь.
Пока не поздно, слышишь, не жалеи!

...грустное прощание с вылеченным детством...

* * *

Подавали ей устрицы на обед —
эта девочка дьявольски хороша.
Эта девочка знала цену себе,
но черна была у неё душа.

Ей за благо – боль причинять другим.
Полюбить её – это смертный грех.
Только любим мы, не кого хотим, —
это выше наших желаний всех.

Я носил охапками ей цветы,
по трубе водосточной к ней ночью лез,
и меня арестовывали менты,
заподозрив грабительский интерес.

А она флиртowała, с кем ни пришлось,
наблюдая, какой у меня был вид.
Я терпел. Но однажды, как гейзер, злость
прорвалась из хранилищ моих обид.

Я сказал... Я не помню, что я сказал.
Это было где-то в начале дня.
Ничего не помню. Только глаза,
где читалось, что любит она меня.

Я не вник. Ушёл. Впору в петлю влезть.
Это явь была? Или только сон?
Это месть? Ну, да. Ну, конечно, месть
самому себе. До конца времён.

* * *

Спасибо за то, чего не было.
Малька не поймает неводом.
Мы были смешны и серьёзны.
«Серёжа, прости, Серёжа!».

Тоненькая, как веточка,
только что расцвела,
спасибо, девочка,
спасибо, что ты была.

Но вот представился случай —
и нам узнать довелось:
мы так несхожи, что лучше,
что лучше, наверно, врозь.

Спасибо, что ты забыла.
Да разве что с нами было?!
И вот ты уходишь гордо,
дощатый скрипит настил.
И что-то сжимает горло,
как будто и впрямь любил.

* * *

Порошками пичкают,
делают уколы.
Девочку с косичками
жду я после школы.

Вот взяла за правило.
Отчего молчишь ты?
Что тебя заставило
навещать мальчишку?

Что тут было личного?
Или чьё веленье?
У окна больничного
жду твоё явление.

Скачет сердце радостно,
словно на батуте.
Может лопнуть градусник
от напора ртути.

...Как то детство давнее
далеко-далёко!
Спрятались за ставнями
створы тёмных окон.

Обветшало здание —
никуда не деться.
Грустное прощание
с вылеченным детством.

* * *

Лена была подвижной.
Быстрая, как волан.
Я лишь её увидел —
и ненормальным стал.
Но Воробьева Лена
сразу оборвала
всякие ухажёрства,
всяческий неформал.

Если мы и общались,
то это диспут был:
есть ли жизнь во Вселенной,
где бывал Одиссей.
Леночка Воробьева!
Как я тебя любил!
Знай: без тебя мне жизни
нет во Вселенной всей.

Странствовал я по свету.
Много медуз-горгон
встретилось, и, наверно,
мне вспоминалась ты.
Где-то на перекрестке
мыслимых всех времён
вижу твою улыбку
ангельской чистоты.

Вижу, как по-библейски
вздрагивают крыла...
Тошно мне в этом мире,
мире сплошных реклам.
Кем же на самом деле
ты для меня была,
Леночка Воробьева
в сером пальто-реглан?

ДЕВЯТЫЙ КЛАСС

Ты всех на свете лучше,
но мне открыться – в лом,
что обморозил уши
я под твоим окном.

Невелика потеря —
я без того лопух.
И наплевать теперь мне,
что буду лопух.

Я знаю это точно:
мы вроде не враги,
меня тревожит то, что
ты, кажется, с другим.

Я думал: это сплетни,
их сочиняет враг,
но это был последний
предупреждения знак.

Стирает, словно ластик,
следы твои метель...
Среди девятиклассниц
ты лучшая модель.

Ты хороша на диво,
ты символ красоты...
Но как же ты строптива,
как своенравна ты!

И от такой непрухи
хожу я, как больной,
и буду лопухим
назло тебе одной.

* * *

В шумном муравейнике, где мы выросли,
старую халупу экскаватор снёс.
Только уж, пожалуйста, не надо сырости,
только вот не надо бы глупых слёз.

Здесь играли в прятки мы душным вечером,
здесь пыхтел под чайником керогаз,
но искать здесь прошлое больше нечего —
спрятано надёжно оно от нас.

Притаилось прошлое за туманами,
лечат каземат его и дурдом,
лечат как обманами, так дурманами,
даже тем, что всё ещё мы живём.

Нас прельщали райскими с детства кушами,
только не попали мы в пансион,
и звучит, как эхо, жалобой минувшего,
угасая в вечности, колокола звон.

* * *

Окатил не июльский ливень,
это – лишь на него намёк.
Но зачем я такой счастливый,
если я, как губка, намок?

И не знает судьба слепая,
и не знает тьму-таракань,
что с дождём к тебе прилипаю,
словно платья влажная ткань.

И дневник в моём школьном ранце,
в дневнике я том не пойму,
почему не могу пробраться
к сердцу гордому твоему.

Пасмурь муторная в округе,
влажный сумрак лесных утроб,
горечь первой моей разлуки,
прожигающей всё нутро.

И надежде опять не сбыться,
да, наверно, и ты не ждёшь,
что не может она забыться,
как тот хилый весенний дождь.

* * *

Обдуваемый ветром июня,
я стоял, незнакомый с тоской,
бесконечно счастливый и юный
и беспечный, как ветер морской.

Плыли тучи над берегом плоским,
запоздалый закат оттеня,
и девчонка в костюме матросском
неумело ласкала меня.

И глядела, как быстрою рысью
волны мчат на дощатый настил.

И грустила со мной бескорыстно,
если я ненароком грустил.

И не знал я, что гулкие грозы
жизни выпятят горькое дно,
и не сбудутся вовсе прогнозы,
что сулили блаженство одно.

Фейерверком тонуло светило,
в воду блёстки роняя огня,
чтобы помнить мне это хватило
до последнего самого дня.

* * *

Всё в жизни было не мило,
был я, как на фронте, ранен:
тоска меня прищемила,
как будто палец дверями.

Прогноз на поправку зыбкий,
но, к счастью, мне просияла
припрятанная улыбка
забытого карнавала.

Деревья усыпал иней,
и было так мало света...
Снегурочкой в шубке синей,
мне встретилось чудо это.

Оно меня вдаль уносит,
туда, где печалей мало.
Сиянием лунной ночи
оно меня обнимало.

Я мог от него согреться,
забылась навек подагра.
Так счастьем сияют в детстве
от маминого подарка.

* * *

С печалью затяжную
храню обрывки сна,
где я иду с княжной,
что вовсе не княжна.

Тогда я был румяней,
чем юный пионер.
Всё было, как в романе, —
там я искал пример.

Всё так банально было,
и повод, вроде был:
она меня любила,
а я себя любил.

Ответить ей? Куда там!
Какая тут нужда?..
Уехала куда-то
в Прибалтику княжна.

И лишь подруге Даше
сказала: это – месть,
поскольку знает даже,
что я не тот, кто есть...

Я был от злости чёрен,
обидно мне до слёз.
Скучал я, как Печорин,
по никому всерьёз.

Судьбой не оглушен,
никем не покорён,
я вешал всем на уши
гирлянды макарон.

Но совесть укоряла,
проклянувшись опять:
искомкав одеяло,
не мог я ночью спать,

рвал из подушки перья,
бросая на диван,
и вспоминал свой первый,
неконченный роман.

* * *

А ты была какая-то другая,
и не похожа на себя нисколько.
Тебя такую я совсем не знаю
и собираю в памяти осколки.

Но досконально всё это не помню,
я помню лишь слова, да твоё имя.
И образ этот мишурой наполнен,
детальями какими-то другими.

Прости великодушно, если это
поможет в чьей-то памяти остаться

любимой неизвестного поэта,
которому всего-то лишь семнадцать.

И он наивен. Он – совсем ребёнок,
как первогодок в армии, салага.
И в сердце столько у него пробоин,
что даже меньше было у «Варяга».

...теперь уже тепла не будет и в помине...

* * *

Какой я всё же был болван —
не рассчитал орбит,
где размещаются слова
надежды и любви!

Другими их не заменить —
те лишь сплошной обман,
другие могут заманить
в какой-нибудь капкан.

Я говорил слова не те —
как будто бред сливал,
и повисали в пустоте
те нищие слова.

И я ушёл. И ты ушла —
попутал нас лешак.
Но те слова, как серый шлак,
на дне души лежат.

* * *

То были дни, когда с тобой мы жили вместе,
когда я покупал в комке аперитив,
и расцветал пион в бутылке из-под пепси,
доверчивый, как мы, к тому, что впереди.

Теперь уже тепла не будет и в помине,
а без него наш мир мгновенно опустел,
и отблески тех дней души не опалили,
концовка тут одна – остывшая постель.

Увы, ценить тепло мы просто не умели,
не разглядели явь сквозь призрачную муть.
Нам трудно было жить, свой резвый пыл умерив,
теперь безумно жаль всего, что не вернуть.

Торопятся часы. Уже осталось мало,
и я как будто сник, и к худшему готов,
но хочется опять того самообмана,

той мягкой теплоты оранжевых тонов.

* * *

Ты печали свои не смакуй,
отгони дней усталый табун.
Я помочь всё равно не смогу
вспомнить всё. Не нарушу табу.

Вечер был по-февральски уныл,
обвиваясь вокруг, как лассо.
Карнавальную маску луны
он напялил тебе на лицо.

Я сказал: «Дорогая Луна,
улыбнись, всё останется сном».
Ты была, как луна, холодна,
холоднее, чем снег за окном.

И к тебе больше нет мне путей,
всё горит, как в духовке пирог.
То предчувствие горьких потерь
оправдалось, хоть я не пророк.

Что осталось? Лишь зимние сны,
этот белый, как мельник, январь,
карнавальная маска луны
и холодная черная гарь.

* * *

Вовсю курортная страда,
но едешь ты не в Крым —
ты исчезаешь навсегда,
как туч летучий дым.

Кишит людьми большой вокзал,
как рисинками плов...
А я тебе и не сказал
каких-то важных слов.

Теперь меня и не проси,
слова уже не те:
они застряли, как такси,
в вокзальной суете.

И наше время истекло.
Прощается родня,
и ты глядишь через стекло
уже не на меня.

* * *

Желтый бисер фонарей,
в окнах – белый шёлк.
Я прошу тебя: налей
мне на посошок.

На дорожку посидим,
глядя на паркет...
Стану я совсем седым
через десять лет.

Давят сверху этажи.
Вот пора и в путь.
Я прошу тебя: скажи
ну, хоть что-нибудь!

Я шагну сейчас в мороз,
выстудивший двор.
Я бы легче перенёс
этот наш раздор,

если б не глядела вслед,
как глядят друзья,
чтобы всё свести на нет,
что уже нельзя.

* * *

Лупит в стёкла дождь шальной,
пахнет сшибленной сиренью.
Подожди, побудь со мной
ветром, шелестом, цветеньем!

И опять, беспечно юн,
слышит этот старый город,
словно звон гитарных струн,
светлых струй веселый говор.

И пускай все дни дожди,
пусть идут они стеною,
только ты не уходи,
будь со мною,
будь со мною!

Ты до крайности нужна.
Я того не принимаю,
чтобы робкая весна
вдруг заканчивалась в мае.

* * *

Ах вы, девочки дискотечные,
импозантные, бессердечные,
где же эта – несовременная?
Опустела моя Вселенная.

Как снежинка, порхнув, истаяла,
даже карточки не оставила —
только дни, что до боли дороги.
Только шелесты. Только шорохи.

Цветом вишенным сыплет с дерева...
Что же, милая,
ты наделала?

* * *

Прохожу на исходе зимы,
весь в снегу, словно в краске маляр,
и опять отбиваюсь от тьмы,
обступающей плотно меня.

Только нет у меня ни угла —
как всегда, основательно влип.
Только холод ночной. Только мгла.
Только ветра простуженный всхлип.

Совладать нужно с новой бедой,
но уже поубавилось сил.
Отзовись! Ну, хотя бы звездой,
хоть бы промельком этим косым!

* * *

Дальнейший наш путь неведом,
анализ всего потерян.
И совы – ночные ведьмы —
бесшумно летят, как тени.

Они не выносят света,
они собрались на саммит.
Они на нас смотрят с веток
опаловыми глазами.

И я, как сова-неясыть,
скольжу над листвою лета.
Но мне до сих пор неясно,
кто напороочил это.

Я жизнь свою проваланда,
но я не скулю, не ною,
поскольку запах лаванды

теперь навсегда со мною.

И нет ничего дороже
реки, что свернулась шалью,
чем лунная та дорожка,
ведущая в Зазеркалье.

Но ночи светлеет колер,
очнулись от спячки птицы,
и страшно от горькой боли,
что это не повторится.

...где эта девочка с русой косою?..

* * *

– Ты вернулся?
– Я лишь на три дня.
Я – туда, где дальних гор гряда...
Только ты не дождалась меня,
да и не дождёшься никогда.

Был я словно ветром унесён
за границы призрачных держав.
Извини, что это был лишь сон,
извини, я слова не сдержал.

Я по льду скользил – он, как фарфор,
Он глазурью абрис твой облил.
Принимал он много разных форм,
но остался призраком любви.

И сегодня вновь в прожилках лёд
и такой же кучерявый дым,
и январь вновь делает облёт
по владеньям голубым своим.

Я плохой, наверное, рыбак:
невод пуст, печален мой удел,
и так долго стынут на губах
те слова, что я сказать хотел.

* * *

Нет, позабыть я уже не способен
этот июль, хоть авральная гонка.
Где эта девочка с русой косою?
Как отыскать в стоге сена иголку?

Как мне вернуть это лунное лето,
где уже места для нас не осталось?
Где эта девочка в женщине этой

В чёрном реглане, скрывающем старость?

Где ты? Ведь ты мне испортила крови,
кроме притворства не вижу я цели.
Где притаилась ты в строгой матроне,
чтобы меня удержать на прицеле?

Где ты? Ответь, прояви ко мне милость...
Но уплывает виденье, как жерех,
как отраженье чего не случилось,
в этом пустом тонкостенном фужере.

* * *

Я всё как должное приму:
тебе – цветы, репейник – мне.
Мне будет легче одному,
с бедой своей наедине.

Я буду жить, себя гнобя,
всему на свете поперёк.
Мне будет легче без тебя —
ведь ты не выскажешь упрёк.

Я не нарушу твой покой,
я не желаю вовсе зла,
ведь помню я тебя такой,
какой ты сроду не была.

* * *

Там, где кафе за продрогшим бульваром,
ветер встречает реликтовым сором.
Всё относительно. Я забываю
наши с тобою случайные ссоры.

Наши обиды, что чёрною тенью
пересекают ленивое лето.
Я забываю твоё раздраженье,
я не хочу даже думать про это.

Память свою расщеплю, как лучину:
счастье оставлю, сожгу только горе.
Надо ли помнить, что нас разлучило,
если гораздо важнее другое?

Если, прости, представляется чётко
мне постоянно, не с бухты-барахты,
девушка в джинсах, с короткою чёлкой,
где ты, в каких параллельных мирах ты?

Где ты? Откликнись! Мигни мне зарницей,
дальней кометой и вспышкой сверхновой.
Не довелось нам с тобою проститься —
это ль не повод, чтоб встретиться снова?!

* * *

Я ехал с пересадкой, и случай был такой:
соседка по вагону, согнутая клюкой,
мне говорила: «Знаешь, навряд ли есть шкала
определять красавиц — я первую была.

Страдали ухажёры — такая канитель.
Гармошки вызывали друг дружку на дуэль.
А я всё выбирала: тот хил, тот ростом мал...
И самый раскудрявый меня поцеловал...»

А я сидел, не верил. Я думал: это — бред.
Чего ни сочиняют теперь, на склоне лет!
Морщинистые щёки и складки возле рта...
С годами исчезает бывшая красота.

Я был тогда наивен, упрямее осла,
и вот я сам старею, весна моя прошла,
а с ней — две трети жизни, одна осталась треть.
Нет ничего печальней, чем в зеркало смотреть.

Как в сказке, не умоешь лицо живой водой.
Одна теперь отрада — попутчик молодой.
И пусть в купе вечернем пойму я по глазам,
что мне он не поверит, да я не верю сам.

* * *

Нет, не истратил я свой пыл.
Пусть много суеты,
тебя я видел средь толпы,
но исчезала ты.

И в этом городе большом,
что был душе не мил,
к тебе я приближался, шёл,
увы, не находил.

Пойми, мне только двадцать лет,
и твёрд я, как наждак.
Цеплялся каждый турникет
в метро за мой пиджак.

Но я не думал в эти дни,
свой продолжая путь,

что я цепляюсь, как они,
за то, что не вернуть.

* * *

Не найти твоих следов —
хоть справляйся в МУРе.
Нрав у октября суров —
небо брови хмурит.

И, как эпилог всему,
свистопляска буден —
это тризна по тому,
что уже не будет.

В лужу тень от фонаря
плюхнулась, косая.
В огород соседский я
камешки бросаю;

Роты ясеней и лип

приспустили флаги;
как горчичник, лист прилип
на спину дворняге...

Не уеду ни в Москву,
ни в какие Сочи!
Пусть, как жухлую листву,
дождь меня намочит.

Пусть пройдут и день, и сто,
в том себя утешь ты,
что проклюнется росток
зёрнышка надежды.

* * *

Не гляди в дверной проём, за которым,
задев крыльями потолок,
проносится огненным метеором
рядом с лампочкой мотылёк.

Знаешь, милая, я ведь тоже,
как и он, счёт теряя годам и дням,
ничего как следует не итожа,
всё кружу по селам и городам.

Знаешь, во мне это неистребимо:
не выношу ни заборов, ни стен.
Оттого и теряю друзей и любимых,
не получив ничего взамен.

Ты уж прости, если чем-то обидел —
так много было ненужных дел,
за то, что главного не увидел —
наверное, не туда глядел.

За то, что прошу у тебя прощения,
за то, что верю в тебя пока...
Кружусь – бесконечно мое кружение,
кружение мотылька.

* * *

На откосе сладко пахла мята...
Разве мы с тобою виноваты,
если всё на свете голубое,
если вышло всё само собою?

Это было утром в воскресенье.
Мир охвачен странным был весельем,
до краев медовым полон летом.
Что полнее может быть, чем это?

Вот и вечер... А тебе всё мало —
бабочек в окошко зазывала,
и они шуршали, словно пламя,
вздрагивая тёплыми крылами.

Помнишь? Время с глаз снимает шоры.
Но опять я слышу этот шорох,
только знаю, что уже не в силе
эхо слов, что мы произносили.

* * *

Лес, как старик, костляв и лыс,
ни мух, ни комаров.
Ещё дрожит последний лист,
как гость иных миров.

Трубят зима в хрустальный рог,
холодный воздух сыр...
Он так промок и так продрог,
что больше нету сил.

И нет надежды никакой
на лучшее уже.
В сырой земле – сплошной покой
страдальческой душе.

А здесь – и ветер, и пурга,
и в бодрости нужда.
Зачем, кому и на фига
такая жизнь нужна?

Но я, как этот лист, терпя
земную боль и дрожь,
одно лишь знаю: от тебя
меня не оторвёшь.

* * *

Ветер уснул в рыхлой листве,
лес удивлённо-тих:
необъяснимый струится свет
из глаз твоих колдовских.

Милая, руки твои легки,
робки, как листопад.

Звёзды, как белые мотыльки,
над головой летят.

Тонет луны голубой овал
В копнах сухих омел,
чтоб многоустый ночной хорал
песню любви нам пел.

* * *

Я жил предчувствием разлук,
всё знал я наперёд.
Прощальный в небе сделав круг,
растаял самолёт.

А я стоял, а я смотрел,
лёд каблуком дробя,
и зашагал, как на расстрел,
туда, где нет тебя,

где больше мне покоя нет
в объятьях тишины,
где только память, только след,
лишь боль моей вины.

** *

Давно ль одуванчики пухом сорили?
Теперь же всё серо. Дождь форточку лижет.
Твой город, продутый ветрами сырыми,
всё ближе и ближе,
всё ближе и ближе.

Вокзал, дебаркадер, сараи, бараки...
Листва прилипает – не надо и клея,
но вспыхнет багрянцем осиновый факел —
и станет светлее,
и станет светлее.

Как долго я ждал и судьбе не перечил,
и гильдия бед меня, вроде, не ищет.
Я думал о том, как в преддверии встречи
мне сделаться чище,
мне сделаться чище.

Ты выйдешь из дома. Не всё голубое,
но верю: не смоет нас в море приливом,
и только с тобою, и только с тобою
я буду счастливым,
я буду счастливым.

* * *

Опять сплошняком туман и дожди,
срывается снег с высот,
приметам всем назло, вопреки,
и нету ещё весны.
И снова неясно, что впереди,
жизни опять несёт,
как будто по руслу горной реки —
швыряя на валуны.

Но слишком опасен ила кисель,
порогов ещё не счесть.
И пусть неприятностям нет конца,
сомнение верх берёт,
но есть ещё, кажется, в жизни цель
и силы как будто есть,
и надо вытереть кровь с лица
и к берегу чалить плот.

Ты выйдешь на берег. Ты будешь ждать,
не зная совсем о том,
что, словно радист, услышавший SOS,
бросает сразу дела,
ты мне помогла, если падал – встать,
и плыть, если плот – вверх дном,
и если плутал или шёл вразнос,
Полярной звездой была.

...подожди! Я крикну: «Стой!»...

* * *

Что я в жизни потерял,
отчего так ноет рана?
Знаешь, я ведь без тебя,
как верблюд без каравана.

Снится сон: я не с тобой
и бреду по белой стыли,
мне изъела сердце боль,
как сухой песок пустыни.

Я молю – такая блажь,
но другого мне не надо, —
чтоб явился хоть мираж,
что я пью твою прохладу.

* * *

Вновь прочерчивает воду
ломкий солнечный зигзаг.
Воздух так насыщен йодом,

что в глазах стоит слеза.

Но любовь прошла, как лето,
что готово в осень впасть,
не купить уже билета
на её вторую часть.

Прежней ты уже будешь,
ты – остывшая звезда,
и с тобой я потому лишь,
что на поезд опоздал.

Вот стою, стою с вещами,
и так муторно в душе
от ненужного прощанья
с тем, что кончено уже.

* * *

Знаю, что ты не спишь,
хоть никаких угроз.
Ночь – летучая мышь —
мне радирует: SOS!

Сердцем я не ослеп,
только не виден нам
узкий, как волчий след,
горя глубокий шрам,

пепел сгоревших трав,
в дымном тумане падь,
и этот жаркий страх,
что надо жить опять.

* * *

Будильник, как раньше будит,
но сделать смогу не много:
уже ничего не будет —
ни доброго и ни плохого.

И скроются с серой далью
ничтожные мои шансы,
и скажут мне «до свиданья»,
а надо бы попрощаться.

Да, час расставанью пробил,
хотя он совсем не нужен.
Теперь мы с тобой, как дробь,
неправильные к тому же.

И логика тут не катит,
она избегает женщин:
уже я не знаменатель,
числителя стал я меньше.

И жить, по последним данным,
не сладко на этом свете,
и в мире том чемоданном
лишь тамбурный горький ветер.

И вихри беды большие
закружат меня, как птицу,
пушинкой в бездонной шири,
где не за что зацепиться.

* * *

Всё смешалось,
всё давно смешалось,
всё я в кучу общую свалил —
даже эту мелочную жалость
по словам несказанным своим.

Поменяю шило я на мыло,
будет жизнь —
один сплошной вокзал.
Отчего, когда ты говорила,
я тебе ни слова не сказал?

Может, всё б
не кончилось разладом?
А теперь —
ты, в общем-то, права —
ничего жалеть уже не надо,
только эти хмурые слова.

* * *

Встану и непременно скажу,
что я тоже с трамвая схожу.
Нет, с ума я ещё не схожу,
нам, наверно, давно по пути,
не спешите так просто уйти.

Постарайтесь хоть что-то понять.
Посидим. Ещё, кажется, пять.
Помолчим. А над городом — дым.
Я, как он. Я таким же седым
растворюсь в частоколе оград.

Что-то спросите.

«Да, – невпопад
я отвечу. – О чём это вы?
В этом мире так много травы.
И любви. Поглядите, она
даже в воздухе растворена.

Дайте руку, уйдём поскорей
от домов, от машин, от людей,
и в лесов голубой окоём
грусть свою навсегда окупим,
всё забудем...»

Но лягнет вагон,
сойдёте, лишь ветер вдогон.
Только дым. И несусь я опять
одиноким ночам считать.

В эту комнату с пылью в углу,
в эту сизую плотную мглу,
где броском в амбразуру окна
вдруг влетает гранатой луна.

* * *

Ветер с моря вновь идёт на нас стеной.
Глянешь – всюду гор коричневых кайма.
Чайки с криками несутся над волной,
с шумом в воду зарывается корма.

Мы устали быть счастливыми уже.
Я к тебе сейчас в последний раз прильну...
Солнце в моря опускается фужер —
алым камешком рубина в глубину.

Сколько дней без отпусков я отрубил
с той поры, но до сих пор сверкает мне
это солнце, как пылающий рубин,
даже в мутной, потемневшей глубине.

* * *

Уходить пора пришла —
времени до боли мало...
Рукава намок обшлаг
от летящего тумана.

Он втекает в узкий створ
дворика, где тает лето,
но ведём мы разговор
абсолютно не про это.

Словно дым, он невесом,
в синих тлеющий просторах,
ни о том и ни о сём —
как невнятный липы шорох.

Скрип ступеней – нервный скрип
(и кого там только носит?).
Тишина. И чей-то крик,
доносящийся из ночи.

Ты в тени исчезнешь той,
что угаснет в час восхода.
Подожди!
Я крикну: «Стой!», —
с опозданием в три года.

* * *

Никогда я не был ещё таким,
но теперь я, кажется, загнан в угол,
если все размолвки – не пустяки,
если мы не в силах простить друг друга.

Впрочем, правит тут лишь один закон —
быстрых расставаний и поздней грусти.
Значит, не грозит нам теперь заход
в эту речку времени с новым руслом.

Значит, в ней никак мне не утонуть,
значит, в ней – теперь уже точно знаю —
только лишь бессонница, только муть,
только лишь безглазница – тьма ночная.

* * *

Февральский день... Как холодно вокруг!
Не отогреть губами зябких рук,
и падают, произнесём едва,
холодными ледышками слова.

Тот зимний день... Ещё далёк апрель.
И женщина не сможет стать добрей.
Ей надоели тысячи забот.
Она сегодня встанет и уйдёт.

Уйдёт совсем. Ей надо жить в тепле.
И не оставит адрес на столе.
Она уедет подышать весной.
Ей будет легче – без меня, одной.

А я останусь. В мартовских снегах,

с улыбкою, замёрзшей на губах,
в квартире, где глядит в окно луна
её глазами. Так же холодна.

* * *

«Ну, скажи хоть слово!»
Ты в ответ, сердясь:
«Коль оборван провод,
пропадает связь».

Виноват, пустили
дни, что так черны.
Как мишени в тире,
мы обречены.

Дулом тёмных улиц
смотрит смертный час.
Кто же эти пули
посылает в нас?

Мы ли? Наши клоны?
Впрочем, цель ясна:
не беречь патроны
для другого сна.

* * *

Может, хватит? Довольно!
Я ветер послал за тобою —
он покажет дорогу.
Ты вовсе ему не чужая.
Вспомни душный июль.
Вспомни частые всхлипы прибоя —
это море, похоже,
предчувствует: я уезжаю.

Может, это приснилось?
Уж очень давно это было.
Сколько лет унеслось,
как беспутная шумная стая?
И ты всё позабыла?
Неужто и вправду забыла?
Неужели, как призрак,
другую, бесплотную стала?

Нет, я в это не верю.
Я право имею на жалость.
Перелётные птицы —
и те свои помнят становья.
Как же быть с этим морем,

которое в память вплескалось,
и с деревьев зелёной,
почти неприступной стеною?

Ночи тёплые тени
нас шорохом лунным касались,
этот шорох скользил в тёмных скалах,
в гранитном расколе.
И мы разве прощались?
Нам это лишь только казалось.
Мы совсем не прощались —
придумаешь тоже такое.

Сколько лет промелькнуло...
И снова тот галечный берег.
Мускулистые волны
его торпедируют мощно...
Ты прости, что я верил.
Прости, до последнего верил.
Ты прости, что в тебя
и сейчас ещё верить мне можно.

* * *

Знаю я: всему виной —
никакого нету слада —
молодильное вино
абрикосового сада.

И тумана вязкий клей
обволакивает поле,
и бокал апреля всклень
ожиданьем счастья полон.

Как посол иных держав
среди шумного вокзала,
я его не удержал,
потому что ускользало.

Ты ещё со мной стоишь,
но дождём твой профиль вымыт,
и в руках держу я лишь,
что уже неуловимо.

Что слоится, как туман,
и по-прежнему ненастят, —
этот мир, где лишь зима,
мир, захлопнутый для счастья.

* * *

Подумать я тогда не мог,
что это – карантин,
что я смертельно одинок,
хотя и не один.

Но я тогда не пожалел,
когда, уже в конце,
твоя улыбка, как желе,
застыла на лице.

Когда холодные, как ночь,
слова я слышу те,
что неожиданны, как нож
убийцы в темноте.

* * *

Панорама дальняя,
лодка в мелкой старице...
Время увядания,
время нам состариться.

Желтизной всё залито...
Может, двинем полем мы?
Накопилось за лето
то, что мы не поняли.

Были ямы, рытвины...
Как у жизни выпытать,
что же у корыта нам
ожидать разбитого?

Не понять, наверное,
то, что не положено,
что твоё неверие
на моё помножено...

...но для чего эта память? На что мне?

* * *

Запах духов, острый запах укропа,
белый шиповник в саду придорожном,
где чернобылом заросшие тропы...
Как бы забыть, да забыть невозможно.

Снова мне снится жасминовый ветер —
счастья пролётного бдительный сторож.
Как этот мир непонятен и светел!
Как он прекрасен, хмельной от простора!

В ставни закрытые веткою стукнет,

вновь уводя в бурелом чернобыла...
Только лишь юности это доступно.
Но для чего это всё-таки было?

Но для чего эта память? На что мне
эта тревога и боль до предела?
Словно у старой заброшенной штольни
с часу на час ожидаю расстрела.

* * *

От бега коленные ноют суставы,
ботинки мои увязают в снегу,
а я всё бегу и бегу за составом,
а я всё проститься с тобой не могу.

Ты – там, за окошком, в тепле и покое,
куда не доносятся скрежет и шум,
а я... Я не знаю, что это такое,
зачем я бегу и рукою машу.

Каким запрещается это законом
с собой меня взять, как какую-то кладь?
И я всё бегу, всё бегу за вагоном,
боясь, обретая, тебя потерять.

И нет уже сил, и стесняет дыхание,
и поезд скрывается в сером снегу.
Но как мне поверить, что это – прощанье,
когда я расстаться с тобой не могу?!

* * *

Убогий дом, фасад его обшарпан,
но он надёжно от других скрывал
и приглушал, как будто тёплым шарфом,
слова любви – счастливые слова.

Они звучали в лестничном пролёте
мелодией единственной той,
какую слышат в неземном полёте
над временем, пространством и мечтой.

Но время шло, как будто счётчик щёлкал,
я бег его челночный не унял.
Снесли, наверно, старую «хрущёвку»:
ничто не вечно, даже и Луна.

Она, увы, ни в чём не виновата.
Она томится с нами без суда.
Настанет день: от жёсткого захвата

она освободится навсегда...

Но ты Луну тогда опередила.
Слова любви – пустой, наверно, звук.
Ты скрылась, как вечернее светило,
среди нависших облаков разлук.

Ну что ж, прощай. Всё обошлось без крови.
Хвала тебе. Мирская исполать,
и всё понятно, всё понятно, кроме
того, что мне вовеки не понять.

* * *

Распалась наша уния —
как рыба, был я снул,
но жалко эту юную,
безумную весну.

Когда леса и пажити
окрасил хлорофилл,
когда тебя без памяти
неистово любил.

Сильнее дома отчего,
не ведая стыда,
причём я верил в то, чего
не будет никогда...

Но никуда не денешься:
теперь под горку спуск.
Любовь блеснула денежкой,
а кошелёк мой пуст.

Судьба моя незрячая,
прости меня, прости,
что было всё истрачено,
чего не обрести.

* * *

Я брёл вслепую, я жил понуро,
мне не хватало такого взрыва,
и сердце шустрой борзой рвануло
и понеслось валуном с обрыва.

И мне открылись такие дали,
что я забуду, что был я пешкой.
Но эта встреча – её мы ждали,
увы, кончается так поспешно.

Я, попрощавшись, утратил целость,
утратил волю, утратил разум.
Я оставляю такую ценность,
что все богатства тускнеют сразу.

Унылой лентой ползёт дорога,
сжимает петель – всё туже, туже...
Какое счастье, как это много,
когда ты нужен, кому-то нужен!

* * *

Одиночество – это тяжёлый крест,
только нам будет лучше врозь.
Всё закончилось сразу, в один присест,
то, что даже не началось.

Не стряхнуть наваждение, как лужу,
не удастся, и мы молчим.
Это было не криком, слетевшим с губ,
а лишь выдохом перед ним.

Ты ушла под унылый накрап дождя,
раздвигая его канву,
навсегда – я уверен – не уходя
из того, чем сейчас живу.

Мир вокруг узнаваем и многолик,
в нём зимы калёный мороз,
но звучит в ушах тот застывший крик —
жуткий голос иных миров.

* * *

Если будешь прощаться, рукой помаши,
я дождался последнего дня.
Кто поток перекроет безумных машин,
что увозят тебя от меня?

И рванётся навстречу, как пемза, шершав,
ветер, словно услышав мой зов.
«Жми на тормоз!» – отчаянно просит душа,
но в машине той нет тормозов.

И охватит какой-то смертельный азарт,
потому что я вновь на бобах,
когда мокрый песок метит прямо в глаза
и когда он хрустит на зубах.

Кто же тут виноват? И какой тут скандал?
И кого обвинять тут, кого,

если сам я себе приговор подписал
и привёл в исполнение его?

* * *

Может, я и не понял что-то,
предварительным был анализ:
мы с тобой, моей асимптотой,
бесконечно пересекались.

И теперь я не понимаю,
для чего унеслись в загуле.
Если линия ты прямая,
я — фигура из загогулин.

И не выпустит нас из круга
жанр жестокого детектива,
и чем дальше мы друг от друга,
тем туманнее перспектива.

И не надо шафрана рая —
я лечу по крутым орбитам,
в бесконечности растворяя
то, что всё ещё не забыто.

II

...закричать бы счастливым криком...

* * *

Мы маялись от скуки и тоски
и от пустых забот еженедельных.
Мы очень долго были далеки,
как звезды двух галактик сопредельных.

Но знали мы один закон простой:
чтоб отыскать когда-нибудь друг друга,
стать надобно блуждающей звездой,
бегущей из очерченного круга.

И не жалеть, что ты летишь, губя
и прошлое, и собственную силу...
Ну, а теперь... Теперь мне без тебя
и дня уже прожить невыносимо.

А эти дни – как дни большой беды,
когда несёт стремительно течение,
как если бы у сдвоенной звезды
внезапно поубавилось свечение.

* * *

Косым дождём был мир изрыт
и пуст, как будто дырка в сыре.
Как будто бы рыдал навзрыд
от беспредельно-мрачной сыри.

Наверно, в мире много драм,
но этой не ищи аналог,
поскольку льёт, как из ведра, —
так сносит дамбу у канала.

Намок твой хлипкий воротник,
лёд размывает под трубою.
И это – счастье, это миг,
наполненный одной тобою.

Рождённый поздним ноябрём
воспоминанием из лета,
сливаясь с ветром и дождём,
он дразнит трепетаньем света.

* * *

Хоть режь меня – не забуду

наивную, как белёк*,
прозрачную незабудку,
тоненький стебелёк!

.

..А было – до боли мало,
поскольку сердилась мама,
ей было за что сердиться:
свирепствовал страшный грипп,
и папа бросал с ехидцей:
«Опять твой явился тип».

Тип этот, конечно, странный —
похоже, с душевной травмой,
с какой-то внутренней грыжей,
и даже характер рыжий.

И он проклинал всё на свете,
он думал, что не любим,
ведь он обнимал лишь ветер,
который неуловим.

А девочка всё понимала,
девочке было мало
свиданий, кратких до боли,
когда на дворе мороз,
когда только ветер в поле
и мокрым становится нос.

Она улыбалась светлой
улыбкой, какой нельзя.
Она была тёплым ветром,
тем ветром, что ускользал.

И надо держать в секрете,
что был здесь не Ереван,
что этот весенний ветер
от стужи отогревал.

**Белёк – детёныш тюленя.*

* * *

От снега декабрьские ночи светлы,
как пруд, что прозрачен до дна.
От этой морозной кочующей мглы
хмелею я, как от вина.

Ты рядом. Ты близкая, милая, вся,
как песня, как радостный крик.
И нам невозможно, ни в коем, нельзя
в потёмки – хотя бы на миг.

Я трогаю волосы жаркой рукой
и чувствую ласку в ответ.
Ну как мне проститься с тобою – такой,
дарящей и радость и свет?

* * *

Эта комната... Сумрак в ней палев.
Из окна очень будничный вид.
Здесь мы поняли: раньше мы спали
и проснулись от жажды любви.

Эти ласки и шепот, и плечи,
чья прозрачность сродни янтарию.
Ты прости, одарить тебя нечем —
я тебе свою верность дарю.

Чтобы глаз твоих серая влага
волновала всё время меня —
до конца. Пока в землю не лягу.
До последнего шороха дня.

* * *

Спешил куда-то – мимо, мимо,
сквозь суетящийся народ,
не знал, что ты необходима,
как водолазу кислород.

И ты пришла, как шорох сада,
как ветер радуг голубой.
И я... Мне ничего не надо —
лишь только быть всегда с тобой.

Лишь только б вновь морозной ранью
сквозь визг трамваев и сквозь дым
звучал твой голос – как журчанье
апрельской солнечной воды.

И всё неважно, всё случайно,
всё отдаляется опять.
И в этом – тайна, в этом – тайна,
что никогда не разгадать.

* * *

Шлюзы улиц совсем пустые,
и слова на губах застыли —
отогрею их, ототру.
Тридцать минуса – все озябли,
и ты ёжишься, словно зяблик,

на холодном тугом ветру.

Полон город морозным скрипом.
Закричать бы счастливым криком,
словно вовсе не постарел,
словно жизнь понеслась с начала,
словно музыка зазвучала
на заброшенном пустыре.

Все преграды к теплу разрушу,
пусть оно согревает душу,
свет весенний, навстречу хлынь!
Пусть ведёт, как оркестр валторна,
оглушая лавиной шторма,
чувство, терпкое, как полынь!

Буду помнить, пока сумею
вспоминать, той позёмки змеи,
стол и лампу возле стены,
где стоим мы, обняв друг друга,
и поёт за окошком вьюга
песню нашей с тобой весны.

* * *

Нас давно уже нет. Там другие живут.
Пьют кефир по утрам, бутерброды жуют,
засыпают, рассольник на завтра сварив,
и не знают совсем про соседей своих.

Но когда будет ночь, время вспомнит про нас,
и мы выйдем из стен на шершавый палас,
как бесплотные тени угасшего дня.
Словно отзвук любви. Словно память огня.

Снова слышится шёпот сквозь шелест ночной:
– Никогда, никогда не прощайся со мной.
Нас нельзя разлучить до последней черты.
Я сливаюсь с тобой. Я теперь – это ты...

И доносится шёпот такой же в ответ:
– Я с тобой не прощаюсь. Прощания нет.
Я тобой лишь живу. Хоть на миг задержись!
Даже боль от тебя – это жизнь, это жизнь...

И сплетаются тени, сливаясь в одну.
И светлеет декабрь, предвещая весну.
И всю ночь напролёт навсегда, наповал
ранят сердце забытые эти слова.

Пусть они – только эхо минувших минут,
пусть другие теперь в этом доме живут,
я с тобой не прощаюсь, ведь я – это ты.
Мы с тобой навсегда. До последней черты.

Вспыхнет свет. Я с собою его унесу.
И навалится мрак... Но весною в лесу
ель однажды услышит, как шепчет звезда:
– Я с тобой – навсегда. Я с тобой – навсегда.

* * *

Неопрятный декабрь —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.